

УДК 81.161.1(09)-1
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-162-170

ЭТАПЫ И ВАРИАНТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБРАЗА СКАЛЬДА В РУССКОЙ ЛИРИКЕ

Ольга Сергеевна Туманова

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. tumanova_os@mail.ru

SPIN-код: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

Статья поступила в редакцию 01.03.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Туманова О. С. Этапы и варианты становления образа скальда в русской лирике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 162–170. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-162-170

Please cite this article in English as:

Tumanova O. S. Etapy i varianty stanovleniya obraza skal'da v russkoy lirike [The Image of Skald in Russian Lyric: Stages of Formation and Versions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 162–170. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-162-170 (In Russ.)

Статья посвящена изучению основных этапов становления образа скальда в русской лирике XVIII–XXI вв. Проводится анализ художественной семантики данного образа и связанных с ним сюжетов, мотивов и контекстов. Особую роль в формировании образа скальда в русской лирике сыграли историко-культурные аллюзии на древнеисландскую поэзию. В обращении к образу скальда на протяжении XVIII–XXI вв. прослеживается три этапа. Первый этап становления образа обусловлен рецепцией оссианизма русской литературой и культурой в конце XVIII – первой четверти XIX в. (Г. Р. Державин, К. Н. Батюшков, Е. А. Баратынский) и последующим развитием и изменением оссианического канона. Второй этап захватывает последнюю треть XIX в. и Серебряный век русской литературы и связан с осмыслением лирическим героем себя самого в пространстве мировой культуры. Образ скальда структурно усложняется, а индивидуальное мифотворчество накладывается на сложную систему образов богов скандинавского пантеона. Третий этап, который приходится на последнее десятилетие XX в., сопряжен с поиском и обновлением культурной идентичности и новых художественных форм через возвращение к древним канонам скальдической и эддической песни. Особое внимание уделяется процессу адаптации заимствованного образа к русской поэтической традиции. Выбранный ракурс изучения позволяет сделать заключение о том, что скандинавские образы периодически актуализировались в российском культурном сознании XVIII–XXI столетий, и о том, что образ скальда закономерно включен в широкий контекст «скандинавского текста» русской литературы.

Ключевые слова: Оссиан; скандинавский север; поэзия Серебряного века; современная поэзия; мифология; мифотворчество; ролевая лирика.

Образ скандинавского севера прочно вошел в русскую литературу. Большую роль в этом сыграла популярность «Песен Оссиана» Дж. Макферсона, изданных в Эдинбурге в 1765 г. Переводы Оссиана на русский язык появились в конце XVIII в.: в 1788 г. были изданы «Поэмы древних бардов» в переводе А. И. Дмитриева, в 1792 г. – вольный перевод с французского «Ос-

сиан, сын Фингалов, бард третьего века: гальские (иначе Эрсские, или Ирландские) стихотворения», выполненный Е. И. Костровым. С переводами Оссиана в русский язык пришли понятия «скальд» и «бард», которые стали использоваться в качестве синонимов без учета того, что они принадлежат разным традициям (скандинавской и «эрсской», ирландской). К. Н. Батюшков в ста-

ть «Нечто о поэте и поэзии» (1816) не проводит четкой границы между «бардом» и «скальдом»: «Мы видим в песнях северных скальдов и эрских бардов нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо севера, и туманы морские, и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и в ужасах» [Батюшков 1989: 44]. А. С. Пушкин в замечаниях на «Опыты в стихах и прозе» (1830) Батюшкова прямо заявляет: «Скальд и бард – одно и то же, по крайней мере, для нашего воображения» [Пушкин 1937: 285].

Ф. И. Буслаев в статье «Древнесеверная жизнь» (1856), которая является отзывом на одноименную книгу Карла Вейнгольда, отдельно говорит о поэзии скальдов и значительной роли «северных поэтов» в общественной жизни древней Скандинавии [Буслаев 1990: 122]. Через размышления Ф.И. Буслаева проходит мысль о необыкновенном родстве русской и скандинавской культур. Скандинавия в видении Ф.И. Буслаева – образ, связанный с русской культурой, а не с определенными точками на карте, абстрактный «север», связанный с идеями общины и гармоничного сосуществования поэта и государства: «Северные властители уважали скальдов, произведения которых были лучшим украшением их двора» [там же: 123].

Изучение «русификации» оссианических образов в русском литературоведении вновь стало актуальным в конце XX столетия. Ю.Э. Левин говорил о недостаточной изученности русского оссианизма – явления, весьма существенного для истории русской литературы на рубеже XVIII и XIX вв. Исследователь отмечал важный факт слияния оссианизма и скандинавизма в европейских литературах [Левин 1980: 97]. Смешению «оссианического, скандинавского и древнерусского колорита» в литературе рубежа XVIII–XIX вв. и самому феномену «северного стиля» посвящена статья Т. В. Федосеевой [Федосеева 2008]. Оссианические и скандинавские мотивы в поэме повлиявшего на А. С. Пушкина Эвариста Парни «Иснель и Аслега» анализирует З. Ф. Кабаченко [Кабаченко 2009: 190]. Д. В. Абашева отмечает контаминацию образов Барда и Бояна в лирике Н. Языкова [Абашева 2014]. «Северному тексту» современной контркультурной лирики посвящено исследование О. А. Маркеловой [Маркелова 2014]. М. Ю. Елепова [Елепова 2017] анализирует обширную рецепцию оссианизма русской поэзией первой трети XIX в., исследуя синкретичное пространство Севера, представленного Ирландией, Финляндией и Скандинавией. М. Ю. Елепова особенно подчеркивает кон-

таминацию кельтской древности и картин жизни древних скандинавов. На наш взгляд, наличие подобных исследований говорит о новом этапе жизни рассматриваемой нами литературной традиции. Однако несмотря на существование работ, посвященных «северному тексту», важнейший для понимания русского оссианизма и скандинавского текста русской культуры образ скальда никем из исследователей специально не рассматривался.

Целью нашей статьи является диахроническое изучение образа скальда – одного из наиболее интересных образов-репрезентантов Скандинавии в русской лирике. Скальд – поэт и исполнитель произведений, которые он сам создает или же воспроизводит. Этот образ часто встречается как в поэтическом сборнике древнеисландских песен о богах и героях «Старшая Эдда», так и непосредственно в скальдической поэзии (последняя в меньшей степени близка к фольклору и обладает лаконичным содержанием при нарочитой сложности формы). Скальд – это «переводчик» окружающей его жизни на язык разветвленных метафор, «в метафоры оказываются претворены его враги и друзья, его возлюбленная, его оружие, родня, северная природа с ее березами и темнолесьем, и прежде всего море, для описания которого скальд обладал большим запасом сравнений и образов-загадок» [Самарин 1984: 487]. Впрочем, не стоит забывать исторически достоверный факт: скальд – еще и человек, тесно связанный с жизнью скандинавской общины. Он нередко – богатый землевладелец, викинг, служилый человек в дружине знатного скандинава [там же].

О художественной функции образа скальда в исландских сагах размышлял Ф. И. Буслаев в статье «Древнесеверная жизнь». М. И. Стеблин-Каменский в ряде работ, посвященных языку, литературе и культуре Древней Скандинавии («Мир саги», 1984; «Культура Исландии», 1967; «Скальдическая поэзия», 1979 и др.), акцентирует внимание на исторически сложившихся канонах создания образа скальда: в песнях «Старшей Эдды» искусство скальда является дополнением к образу героя-воина; «быть скальдом значило обладать свойством, которое может так же характеризовать человека, как его рост, цвет волос и т. д.» [Стеблин-Каменский 1979: 16]. О. Е. Смирницкая работала над изучением художественной формы скальдической поэзии и творческой индивидуальности автора, при этом исследовательница не оставляет без внимания и изучение истории диалога русской и скандинавской культур [Смирницкая 2005]. А. Я. Гуревич делает важное замечание, которое вполне объясняет, почему фигура

скальда оказалась столь востребована русской лирикой: «Скальд, кроме всего прочего, умудрен знанием рун: в пору расцвета поэзии скальдов в странах Скандинавии другое письмо было либо неизвестно, либо известно лишь немногим. Скальд владеет тайной силой слова, он может творить волшебство или снимать вражьи чары» [Гуревич 1979: 50]. В этих словах можно усмотреть присущее творческому сознанию убеждение в избранности и особой миссии поэта. Е. А. Гуревич отмечает, что скальдическое мастерство высоко ценилось, «ведь прославляя подвиги конунгов, скальды увековечивали их деяния в людской памяти» [Гуревич 2016: 342].

Мотив противостояния вечности посредством творчества является ключевым для раскрытия темы поэта и поэзии, важной для русской литературы. Это во многом объясняет актуальность образа. Скальд принадлежит земному миру и олицетворяет собой земную жизнь, живые человеческие чувства и незащитность, зависимость человека от высшей воли. Сущность скальда амбивалентна: он может быть и воином (разрушителем), и поэтом (создателем и созидателем). В этих двух ипостасях он становится сопричастен божественному миру Вальхаллы: известно, что верховный бог скандинавского пантеона Один – покровитель и войны, и поэзии. Синкретичная фигура поэта-воина очень удачно коррелировала с системой ценностей русской романтической поэзии и представлением о социальной активности художника.

Популярность лирического героя-скальда (и по совместительству воина) в европейской культуре носит объяснимый характер. Немецкий исследователь Рудольф Зимек в статье «Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов» рассматривает феномен мифологизации исторически негативного образа викинга: «Переход от крайне негативного (и с точки зрения жертв викингов, по-видимому, вполне реалистичного) представления о викингах как о пиратах, варварах, грабителях, убийцах и поджигателях, отраженного в англо-саксонских и франкских хрониках и анналах, к распространенному в XVIII и XIX вв. образу благородного воина и бесстрашного первооткрывателя и поселенца» [Зимек 1999]. Зимек видит источники мифологизации образа в «книгах и экспозициях, которые, как правило, представляют викингов в качестве носителей развитой культуры раннесредневековой Скандинавии» [там же]. Исследователь также полагает, что в настоящее время эпоха викингов играет все более существенную роль как средство самоидентификации [там же].

Действительно, по сей день существует большое количество почитателей норманнской теории происхождения древнерусского государства; многие русские люди, увлекающиеся культурой Скандинавии, считают свое увлечение «неслучайным», а Скандинавию воспринимают как прародину, как «потерянный рай». Сегодня к наиболее ярким формам подобного самоотождествления с эпохой викингов относится быстрый численный рост всевозможных викингских фестивалей (традиционно проводимых в окрестностях Санкт-Петербурга), реконструкций боев и ярмарок, устраиваемых ежегодно. Носитель ролевой культуры, сочиняющий стихи, песни или мифологическую прозу, вне зависимости от гендерной самоидентификации мыслит себя воином-скальдом [Бреева 2012].

Рассмотрев историю изменений образа скальда и его места в культуре, мы можем выделить три этапа его становления. Первый этап становления образа приходится на первую четверть XIX в. и связан с рецепцией оссианизма. Примеры обращений к Оссиану можно найти в лирике Г. Р. Державина. Державин переводил Оссиана (так, в 1794 г. им была переведена поэма «Карикатура»), а также использовал в своем творчестве образность его поэм. Ю. Д. Левин отмечает влияние Оссиана в одах «На взятие Варшавы», «На взятие Измаила», «На победу в Италии», «На переход Альпийских гор», стихотворении «На кончину Ольги Павловны», но более всего – в оде «Водопад» [Левин 1980: 509–511]. Нам представляется весьма показательным стихотворение «Жилище богини Фригги» (1812), сюжет которого посвящен становлению поэта-скальда. Стихотворение построено в форме оратории, в нем расписаны партитуры для хора и певца. Хор прославляет богов, любящих добродетель, в то время как певец рассказывает историю перерождения человека в поэта и собеседника богов-асов, причем перерождение происходит при помощи бога Браге («Брагге») – древнескандинавского покровителя красноречия и мудрости, и Фригг («Фригга») – «скандинавской богини премудрости, царицы неба и матери всех богов» [Державин 1864: 113]. Несмотря на неоспоримое влияние оссианизма на образность данного стихотворения, ясно видна и другая тенденция – попытка индивидуального мифотворчества в отношении пантеона скандинавских богов.

Образ скальда, появляющийся в лирике К. Н. Батюшкова, хотя и соответствует эддическому первоисточнику, уже несет в себе черты индивидуального поэтического мифотворчества. Скальд из одноименного стихотворения, напи-

санного между 1809 и 1811 гг., – дwoящийся образ, балансирующий на границе героического прошлого и несформированного настоящего. Лирический герой воспринимается окружением как «свидетель древних лет», однако сам он осознает собственное бессилие в современном ему мире: «Ах, мне ли петь? Мой глас исчез, / Как бури усыпленный ропот...» [Батюшков 1964: 48]. Прошлое для лирического героя живее настоящего, поскольку сам он является его хранителем: «Но славны подвиги отцов / Живут в моем воспоминанье». Скальд обеспечивает и трансмиссию исторической памяти («А вы, о юноши-герои, / Внемлите повести моей»), а его песни «спасут от алчной Гель» – тема творчества противопоставлена минорным темам забвения и смерти. В тексте в виде парентезы упоминается имя Эгиля (у Батюшкова транслитерированное в «Егила») – легендарного скальда IX–X вв., героя исландской «Саги об Эгиле». Тлену препятствует созидание, алчной богине нижнего мира Геле (Хель) противостоит поэт.

В другом стихотворении К. Н. Батюшкова, «Мечта» (1806), Скальд (в данном случае это имя собственное) является певцом в Вальхалле, т. е. полноправным обитателем Асгарда, собеседником богов: «Там снова с арфой золотою / В восторге Скальд поет / О славе древних лет...» [Батюшков 1977: 253]. Миссия скальда – сплести мечту: «Завидное Поэтов свойство: / Блаженство находить в убожестве Мечтой!». Отчетливо видна параллель между лирическим героем-поэтом и древним скальдом: оба счастливы, погружаясь в «сладки думы», поэтические грезы, которые позволяют игнорировать убогую и безрадостную действительность. В стихотворении «На развалинах замка в Швеции» (1814) развивается тенденция ассоциативного приобщения образа Скальда к высшему миру: Скальд появляется в окружении скандинавских мифонимов (Оден, Гела, Валкала), ему сопутствуют косвенные указания на символы Вальгаллы («Валкалы»): «Уж Скальды пиршество готовят на холмах, / Уж дубы в пламени, в сосудах мед сверкает» [там же: 202]. Пир и мед символизируют Вальгаллу, палаты Одина, куда приходят после смерти павшие герои и проводят дни в нескончаемом бое и пиршестве; дуб может быть ложной ассоциацией с Иггдрасилем, мировым древом, которое было ясенем. И здесь также повторяется оппозиция прошлого и настоящего: если в прошлом «Скальды пели брань, и персты их летали / По пламенным струнам», «Скальд гремел на арфе золотой», то в настоящем «ветер свищет лишь уныло». Несмотря на это, стихотворение завер-

шается сценой передачи исторической памяти: старик показывает путешественнику руины и просит помнить былое: «Смотри, о, сын иноплемennyй. / Здесь тлеют праотцев останки драгоценны: / Почти их гроб святой!» [там же]. Герой стихотворения, «странник», читает «руны тайные», что, возможно, является знаком его преемственности относительно древних героев. Прошлое оказывается органично включенным в настоящее, запечатленным в нем, и этому, по К.Н. Батюшкову, во многом способствует древнее искусство поэзии.

Созвучные упомянутым стихотворениям К.Н. Батюшкова идеи мы найдем в стихотворении Е.А. Баратынского «Финляндия» (1820): «Умолк призывный щит, не слышен Скальда глас, / Воспламененный дуб угас...» [Баратынский 1987: 28]. Взору лирического героя, забывшего свое прошлое, также предстают пустынные пейзажи севера. Но поэтическое зрение позволяет преодолеть время, превозмочь «один закон, закон уничтоженья»: прошлое живо для лирического героя («Во всем мне слышится таинственный привет / Обетованного забвенья!») [там же: 29]. Лирический герой, прикасаясь к героическому прошлому, становится наследником поэтов севера.

Начало второго этапа становления образа скальда приходится на 1870–1880 гг. XIX в. – период смены господствующей поэтической проблематики и возникновения других типов образов. Можно было бы сказать, что в этот временной отрезок образ скальда уходит на периферию литературного процесса. Исключением оказываются «скандинавские поэмы» А.Н. Майкова, «Бальдур, или Песнь о солнце, по сказаниям Скандинавской Эдды» (1870) и «Брингильда» (1888). Упомянутые произведения вследствие своей сложности и самобытности заслуживают, на наш взгляд, отдельного исследования. А. Г. Гидони объясняет факт обращения А. Н. Майкова к «скандинавской теме» не «маскарадом» или спонтанным творческим порывом, а непосредственными впечатлениями поэта от контактов со шведами и норвежцами во время его посещения Норвегии и города Арендал в частности [Гидони 1972: 117]. Таким образом, скандинавский диптих Майкова, с одной стороны, может считаться своеобразным вариантом поэтического травелога, с другой стороны, является уникальной и не имеющей аналогов комбинацией сразу нескольких песен «Старшей Эдды» о богах и героях: «Прорицание вельвы», «Речи Гриммира», «Перебранка Локи», «Речи Сигрдривы» и «Песнь о Сигруде». Образ скальда в поэме

«Бальдур» организует рекурсивную композицию поэмы: скальд рассказывает конунгу, потерявшему сына, историю об Одине, который так же теряет сына Бальдра. Образ скальда в этом стихотворении создается по древнескандинавскому канону, изображающему поэта как медиатора между мирами, вовремя открывающего смертным общность их судеб с богами-асами.

Второй этап становления образа скальда продолжится в поэзии Серебряного века, которая унаследовала и развила контаминацию скандинавизма и оссианизма. О. Э. Мандельштам в стихотворении «Я не слыхал рассказов Оссиана...» манифестирует практически идентичную К. Н. Батюшкову идею: «*И снова скальд чужую песню сложит / И, как свою, ее произнесет*» [Мандельштам 1990: 63]. Н.В. Барковская приходит к выводу, что «реминисценции из Оссиана выполняют роль аллюзий на русскую романтическую поэзию» [Барковская 1999: 147]. Лирический герой ощущает себя наследником поэтического прошлого («*Я получил блаженное наследство...*»), которому суждено ожить в грядущем, минуя безликое настоящее («*И не одно сокровище, быть может, / Минуя внуков, к правнукам уйдет*») [там же].

Наиболее популярным в лирике XX в. оказался сюжет «любовь смертного героя (воина-скальда) и валькирии», заимствованный непосредственно из «Старшей Эдды» (например, в «Песне о Хельги» валькирия, покровительствующая герою, является его возлюбленной). Этот миф в Серебряном веке актуализирует Н. С. Гумилев в стихотворении «Ольга» (1920). Стихотворение, посвященное княгине Ольге, легко прочитывается сквозь призму конкретных жизненных реалий (истории любви поэта к Ольге Арбениной). Примечательно, что лирический герой позиционирует себя как «*древних ратей воин отсталый*», таящий вражду к «*этой [современной] жизни*». Стихотворение пронизывает мотив ожидания: с одной стороны, в тексте воплощен своего рода «вызов» возлюбленной – ожидание ответной любви, с другой стороны – это и ожидание другого порядка, ожидание вторжения инобытия в «эту жизнь», заурядную и не устраивающую героя, словно рожденного в иное время: «*Сумасшедших сводов Валгаллы, / Славных битв и пиров я жду*». Возлюбленной в этом инобытии также уготовано место: она превращается в спутницу героя-воина: «*И валькирией надо мною, / Ольга, Ольга, кружишь ты*» [Гумилев 2001: 100].

Третий этап в осмыслении образа скальда приходится на последнее десятилетие XX в. Воз-

никает вполне закономерный вопрос: почему же обращения к данному образу отсутствуют на протяжении практически 70 лет? Этот факт можно объяснить тем, что образ скальда является выразителем «духа времени» и ряда проблем, с этим временем связанных, но не принадлежит к числу вечных образов и не отличается универсальностью. Образ скальда в поэзии представителей движения ролевых игр и реконструкторов ассоциирован, во-первых, с любовной линией (в этом нам видится наследие поэзии Серебряного века), во-вторых, с осмыслением собственной идентичности в кризисную эпоху «смены парадигм», с мотивом поиска своего места в мире – вымышленном или реальном.

В конце XX в. возникает новый вариант развития сюжета «любовь воина-скальда и валькирии». Этот сюжет встречается в стихотворении Н. А. О'Шей «Королевна» (2005), впоследствии положенном на музыку и ставшем популярным среди представителей ролевой культуры. Герой, от лица которого ведется повествование, изначально заявляет о себе как о скальде: «*Я пел о богах и пел о героях, о звоне клинков и кровавых битвах*» [О'Шей 2005]. В образе скальда воплощены сакральные представления о поэте как «собеседнике Одина», наделенном даром предвидения и способном пересекать границы между мирами, что находит отражение в тексте: «*Каждую ночь я горы вижу, каждое утро теряю зренья*», «*каждую ночь полет мне снится, холодные фьорды, милья за мильей*» [там же]. Возлюбленная героя – «королевна» из загадочной «*чуждой, соколиной страны*», находящейся «*не во сне, а где-то около*». Герой осознает, что мир, где живет его возлюбленная, чужд человеку: «*Знаю, что там никогда я не был, а если и был, то себе на горе*». Эддический мотив покровительства валькирии скальду реализуется через уподобление возлюбленной ангелу-хранителю: «*Покуда сокол мой был со мною, мне клетот его заменял молитвы*» [там же].

Наряду с патетической мифологизацией образа воина-скальда, таящей в себе отголоски «Легенды о Тристане и Изольде», имеются примеры иронического осмысления этого образа. Одним из примеров такого рода осмысления можно считать текст Н. В. Некрасовой (Иллет) «Песня о Вечном Воителе». Герой стихотворения – порождение ролевой культуры 1990-х гг., если не сказать, «жертва» этой культуры. Это образ переигравшего «ролевика», в мыслях которого царит хаос. «Вечный Воитель» (первоначально – основной персонаж цикла романов английского фантаста Майкла Муркока) – результат неумно-

го поглощения как фэнтези, так и средневековой литературы, обретшей наряду с первым популяризатором в 1990-е. В его сознании контаминированы героические образы разных эпох и авторов: «*Мне не изменит Нотунга сталь / В смуте кровавых бурь, / Верен хозяину Дюранда, / Ждет сечи Эскалибур*» [Иллет 2000]. Меч «Вечного Воителя» беспрестанно меняет названия, данные своим мечам эпическими героями: Беовульфом, Роландом, королем Артуром. Герой дезориентирован в пространстве: «*Я тот, кто свой потерял Авалон, / Кто ищет Иерусалим, / Я тот, кого вечный ждет Танелорн, / Я тот, кого славит Рим*» [там же]. Отношения героя с реальностью по мере развития поэтического сюжета становятся все более неадекватными. Бой, который воспевала ролевая культура середины 1990-х гг., также подается как событие, балансирующее на грани бреда и абсурда: «*Вновь Олифант на битву зовет – / Эй, воин, седлай коня! / Я в бою прославлю свой древний род, / А барды прославят меня!*» [Иллет 2000]. Между тем героем движут исключительно «души прекрасные порывы»: отвага, благородство, мужество. Однако в сегодняшней действительности воин-скальд оказывается своего рода Дон Кихотом: «*Я – вечный воитель с бензопилой, / Герой грядущего дня! / Я – вечный воитель с бензопилой, / Санитары, держите меня!*» [там же]. Теме сумасшествия героя не сопутствуют трагические мотивы, тем не менее если учитывать социокультурный контекст создания стихотворения, можно предположить, что они могут присутствовать в тексте имплицитно. Многие представители ролевой культуры 1990-х гг. буквально чувствовали себя «рожденными не в то время и не в том месте», сетовали на то, что их героизм растрачивается впустую в «эпоху безвременья», и ощущали это как трагедию поколения.

Образ скальда на протяжении своего существования в русской лирике трансформируется, усложняется, насыщается историко-литературными аллюзиями и реминисценциями. Несмотря на попытки поэтов XVIII – начала XIX в. в их творчестве строго следовать заданному в «Песнях Оссиана» канону изображения скальда-барда (обращение к мотивам одиночества, уныния, тоски по прошлому, однообразные декорации руин замков под северным небом), появляются и черты индивидуального мифотворчества, наиболее ярко проявляющиеся в переработке образов скандинавских богов. Образ скальда удачно попадал в резонанс с важной для русской литературы темой поэта и поэзии: ролевое «я» скальда связывается с позитивными для поэтического

сознания мотивами увековечения, противостояния тлену, сопричастности истории. Образ скальда из категории экзотического органично перешел в русскую культуру и стал выразителем двух важных для культурного сознания идей – преодоления дисгармонии с настоящим и трансмиссии исторической памяти. В начале XX в. поэтическое внимание сконцентрировалось на развитии любовной линии (например, у Н. С. Гумилева) и осмыслении мировой культуры (можно проследить в лирике О. Э. Мандельштама). Образ скальда приблизился к своему древнеисландскому оригиналу – во многом тому причиной стал первый перевод песен «Старшей Эдды» на русский язык, сделанный Софьей Свириденко и получивший высокую оценку А. А. Блока. История и мифология Скандинавии, лишившись романтической абстрактности, приобрела конкретные, достоверные черты (как произошло в поэмах А. Н. Майкова).

Последнее десятилетие XX и начало XXI вв. связано с осмыслением лирическим героем себя и своего места в мире, с поиском идентичности и новых художественных форм через возвращение к древним канонам Старшей Эдды, использованием ролевого «я» культурных героев и творческой обработкой наследия Серебряного века (можно заметить у Н. А. О'Шей и Н. В. Некрасовой). В конце XX в. ролевое «я» скальда часто используется в качестве «рамочной конструкции» для репрезентации женского образа, например, валькирии, и этот факт легко можно связать с общей феминизацией литературы данного периода. Дихотомичные образы валькирии и скальда обретают структурную многофункциональность: они используются современной поэзией в качестве ролевого «мы», канонического образа возлюбленных масштаба Ромео и Джульетты. Любовной линии «валькирия – скальд» всегда соответствуют трагические мотивы – любовь мыслится в контексте испытаний.

Обращение к скандинавской тематике характерно для переломных эпох русской культуры. Мир Древней Скандинавии суров и жесток, он исключает надежду даже на покой после смерти (поскольку и после смерти павшие воины продолжают бой в Вальхалле) и поэтому созвучен жестоким периодам русской истории. Амбивалентный образ скальда, вовлеченного в поток истории поэта-воина, одновременно создателя и разрушителя, принадлежит к числу периодически актуализируемых образов, которые удобны для выражения мыслей в кризисную эпоху. Он является преходящей формой культурного бытия, появляющейся в периоды слома традиции.

Список литературы

- Абашева Д. В. «Я здесь беседую с минувшими веками...»: историческая память в лирике Н. М. Языкова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-zdes-besedyuy-s-minuvshimi-vekami-istoricheskaya-pamyat-v-lirike-n-m-yazykova> (дата обращения: 30.01.2018).
- Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1987. 482 с.
- Барковская Н. В. Поэзия «серебряного века» / Урал. гос. пед. ин-т. Екатеринбург, 1999. 170 с.
- Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.: Сов. писатель, 1964. 353 с.
- Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 605 с.
- Батюшков К. Н. Соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. 719 с.
- Бреева Т. Н. Стратегия репрезентации национального мифа в славянском фэнтези. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/strategiya-reprezentatsii-natsionalnogo-mifa-v-slavyanskom-fentezi> (дата обращения: 30.01.2018).
- Булаев Ф. И. О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1990. 512 с.
- Гидони А. Г. Скандинавская тема в творчестве Майкова // Север. 1972. Вып. 2. С. 115–119.
- Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. М.: Воскресенье, 2001. Т. 4. 396 с.
- Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.
- Гуревич Е. А. Из скальдической поэзии // *Studia Litterarum*. 2016. № 3–4. С. 340–356.
- Державин Г. Р. Сочинения: в 9 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. СПб.: изд. Имп. Акад. Наук в тип. Имп. Акад. Наук, 1864. 673 с.
- Державин Г. Р. Сочинения / сост., биогр. очерк и коммент. И. И. Подольской. М.: Правда, 1985. 576 с.
- Елепова М. Ю. Рецепция оссианизма в русской поэзии первой трети XIX века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/retseptsiya-ossianizma-v-russkoj-poezii-pervoy-treti-xix-veka> (дата обращения: 30.01.2018).
- Зимек Р. Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов. URL: <http://norse.ulver.com/articles/simek/vikings.html> (дата обращения: 11.09.2017).
- Иллет (Наталья Некрасова). Поэзия. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/kaminzal/poets.html> (дата обращения: 11.01.2018).
- Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 204 с.
- Мандельштам О. Э. Камень. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. 416 с.
- Маркелова О. А. Северный текст в современной отечественной рок-поэзии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/severnyy-tekst-v-sovremennoy-otchestvennoy-rok-poezii> (дата обращения: 11.02.2018).
- Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений. Чужие стихи. URL: <https://gumilev.ru/additional/42/> (дата обращения: 11.02.2018).
- О'Шей Н. А. Стихи и песни. URL: <http://www.melnitsa.net/music/pereval.html> (дата обращения: 11.02.2018).
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937. Т. 7. 515 с.
- Самарин Р. М. Поэзия скальдов // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 486–490.
- Смирницкая О. А. Древнегерманская поэзия. Каноны и толкования. М.: Языки слав. культур, 2005. 176 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Скальдическая поэзия. Л.: Наука, 1979. 183 с.
- Федосеева Т. В. О предромантическом характере исторического мышления в русской литературе XVIII и XIX веков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predromanticheskom-haraktere-istoricheskogo-myshleniya-v-russkoj-literature-rubezha-xviii-i-xix-vekov> (дата обращения: 30.01.2018).

References

- Abasheva D. V. «*Ya zdes' besedyuy s minuvshimi vekami...*»: *istoricheskaya pamyat' v lirike N. M. Yazykova* ["I am here talking with past centuries": historical memory in lyrics by N. M. Yazykov]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-zdes-besedyuy-s-minuvshimi-vekami-istoricheskaya-pamyat-v-lirike-n-m-yazykova> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)
- Baratynskiy E. A. *Stikhotvoreniya. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [Lyrics. Letters. Memories of contemporaries]. Moscow, Pravda Publ., 1987. 482 p. (In Russ.)
- Barkovskaya N. V. *Poeziya «serebryanogo veka»* [Poetry of the Silver Age]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical Institute Press, 1999. 170 p. (In Russ.)
- Batyushkov K. N. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [The complete collection of lyrics]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1964. 353 p. (In Russ.)

- Batyushkov K. N. *Opyty v stikhakh i proze* [Attempts in poetry and prose]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 605 p. (In Russ.)
- Batyushkov K. N. *Soch.: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1989. 719 p. (In Russ.)
- Breeva T. N. *Strategiya reprezentatsii natsional'nogo mifa v slavyanskom fentezi* [The strategy of representation of the national myth in the Slavic fantasy]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/strategiya-reprezentatsii-natsionalnogo-mifa-v-slavyanskom-fentezi> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)
- Buslaev F. I. *O literature: Issledovaniya; Stat'i.* [About literature: Studies; articles]. Comp., preface, notes by E. Afanas'ev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990. 512 p. (In Russ.)
- Gidoni A. G. Skandinavskaya tema v tvorchestve Maykova [Scandinavian theme in Maykov's works]. *Sever* [North], 1972, issue 2, pp. 115–119. (In Russ.)
- Gumilev N. S. *Polnoe sobranie sochineniy v desyati tomakh* [The complete collection of works in 10 vols.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2001, vol. 4. 396 p. (In Russ.)
- Gumilev N. *Elektronnoe sobranie sochineniy. Chuzhie stikhi* [The Electronic collection of works. Someone else's lyrics]. Available at: <https://gumilev.ru/additional/42/> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- Gurevich A. Ya. *«Edda» i saga* [Edda and saga]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 192 p. (In Russ.)
- Gurevich E. A. Iz skal'dicheskoy poezii [A selection of skaldic poems]. *Studia Litterarum* [Studia Litterarum], 2016, issue 3–4, pp. 340–356. (In Russ.)
- Derzhavin G. R. *Sochineniya v 9 t.* [Works in 9 vols.]. *Explicatory* notes, preface by Ya. Grot. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1864. 673 p. (In Russ.)
- Derzhavin G. R. *Sochineniya* [Works]. Comp., biographical sketch, notes by I. I. Podol'skaya. Moscow, Pravda Publ., 1985. 576 p. (In Russ.)
- Elepova M. Yu. *Retseptsiya ossianizma v russkoy poezii pervoy treti 19 veka* [Reception of Ossianism in the Russian romantic lyrics of the 1st third of the 19th century]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/retseptsiya-ossianizma-v-russkoy-poezii-pervoy-treti-xix-veka> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)
- Simek R. *Vikingi: Mif i epokha. Srednevekovaya kontseptsiya epokhi vikingov* [Vikings: Myth and age. Medieval conception of the age of Vikings]. Available at: <http://norse.ulver.com/articles/simek/-vikings.html> (accessed 11.01.2018). (In Russ.)
- Illet (Nekrasova Natal'ya). *Poeziya*. [Poetry]. Available at: <http://www.kulichki.com/tolkien/kaminzal/poets.html> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- Levin Yu. D. *Ossian v russkoy literature* [Ossian in Russian literature]. Leningrad, Nauka, Leningrad Department Publ., 1980. 204 p. (In Russ.)
- Mandelstam O. E. *Kamen'* [The stone]. Leningrad, Nauka, Leningrad Department Publ., 1990. 416 p. (In Russ.)
- Markelova O. A. *Severnnyy tekst v sovremennoy otechestvennoy rok-poezii* [The “northern discourse” in modern Russian rock-poetry]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/severnnyy-tekst-v-sovremennoy-otechestvennoy-rok-poezii> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- O'Shey N. A. *Stikhi i pesni* [Lyrics and songs]. Available at: <http://www.melnitsa.net/music/pereval.html> (accessed 11.02.2018). (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch. v 16 t.* [Complete collection of works in 16 vols.]. Moscow, Academia Nauk Publ., 1937, vol. 7. 515 p. (In Russ.)
- Samarin R. M. *Poeziya skal'dov* [The Poetry of skalds]. *Istoriya vseмирnoy literatury: v 8 t.* [World literature history: in 8 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 2, pp. 486–490. (In Russ.)
- Smirnitskaya O. A. *Drevnegermanskaya poeziya. Kanony i tolkovaniya* [Old Germanic poetry: canons and interpretations]. Moscow, LRC Publishing House, 2005. 176 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskiy M. I. *Kul'tura Islandii* [Culture of Iceland]. Leningrad, Nauka Publ., 1967. 182 p. (In Russ.)
- Steblin-Kamenskiy M. I. *Skal'dicheskaya poeziya* [Skaldic poetry]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 183 p. (In Russ.)
- Fedoseeva T. V. *O predromanticheskom kharaktere istoricheskogo myshleniya v russkoy literature 18 i 19 vekov* [On pre-romanticism disposition of historic mentality in the Russian literature of the 18th and 19th centuries]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predromanticheskom-haraktere-istoricheskogo-myshleniya-v-russkoy-literature-rubezha-xviii-i-xix-vekov> (accessed 30.01.2018). (In Russ.)

THE IMAGE OF SKALD IN RUSSIAN LYRIC: STAGES OF FORMATION AND VERSIONS

Olga S. Tumanova

Postgraduate Student in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. tumanova_os@mail.ru

SPIN-code: 3235-9461

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3741-080X>

ResearcherID: E-6738-2017

Submitted 01.03.2018

The article considers the formation of the image of skald in Russian poetry of the 18th–21st centuries. The author analyzes the artistic semantics of this image, as well as plots, motifs and contexts connected with it. Cultural and historical allusions to Old Icelandic poetry play a special role in Russian poetic tradition and particularly in the formation of the image of skald. During the 18th–21st centuries, it evolves through three stages. The first stage in this process is associated with the reception of Ossian's poetry by Russian literature and culture at the end of the 18th – the first quarter of the 19th century (in the works by G. R. Derzhavin, K. N. Batyushkov, E. A. Baratynsky). The poetic canon created by Ossian and his followers was developed and modified. The second stage refers to the last third of the 19th century and the Silver Age of Russian poetry. This stage involves the lyric hero's introspection and comprehension of his role in the world culture. The image of skald became more complicated; individual myth-making was superimposed on the complex system of Norse mythology. The third stage, which began in the last decade of the 20th century, is characterized by the search and renovation of the cultural identity and new artistic forms through return to the old canons of Old Norse poetry (Poetic Edda and songs of skalds). Special attention is given in the paper to the process of adaptation of the borrowed image to Russian poetic tradition. The chosen research perspective allows us to conclude that Scandinavian images periodically arose in Russian cultural consciousness of the three centuries under study. We deem it right that the image of skald is included into the broad context of the "Scandinavian text" of Russian literature.

Key words: Ossian; Scandinavian North; Silver Age of Russian poetry; modern lyric; mythology; myth-making; role lyric.